

АЛЁНА ИВАНСКАЯ

ЧЁРНАЯ РОЗА

Алена Иванская

Чёрная Роза

«Издательские решения»

Иванская А.

Чёрная Роза / А. Иванская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908501-6

Чёрные розы являются символом пустоты, печали и скорби. Но, преподнося букет своей избраннице, можно подчеркнуть её внутреннюю силу, особенную красоту и изысканность. Нелегко быть для кого-то Чёрной Розой...

ISBN 978-5-44-908501-6

© Иванская А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Чёрная Роза

Алена Иванская

© Алена Иванская, 2023

ISBN 978-5-4490-8501-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Одна рука его легла сзади на лопатку, вторая – чуть ниже, на талию. Её Руки привычно обхватили его шею, и он сделал шаг вперёд, отгесняя, лоя, защищая.

Она прогнулась назад, плавным медленным движением разведя руки в стороны, подобно нежному цветку, и откинув голову с полуприкрытыми глазами.

Каштановое золото волос мазнуло по паркету и взлетело в воздух от следующего резкого разворота. Медленно поплыли перед глазами софиты. Тихо зашуршали мягкие шаги: один, два, три. Она отступала, ласкаясь к его рукам, прогибаясь там, где он прикасался, и взгляд её был полон нежности, как та, которую выписывали звуки музыки.

Медленную, проникновенную мелодию выводили виолончели, и бархат их звучания наполнял каждое движение танцующих тягучестью, плавностью.

Сквозь веер пушистых ресниц она увидела, как он чуть улыбнулся одной из своих задумчивых, восхитительных улыбок, так менявших его бесстрастное лицо. Улыбнулся чему-то внутри себя, какой-то мысли, посетившей его во время неторопливого перехода.

Когда он поднял её в воздух и, сделав один оборот вокруг себя, осторожно поставил на пол, она задержала дыхание. Девушка будто не устояла. Наклонилась вправо, падая, вытянувшись в гибкую струну, подняв руки вверх через стороны, словно это вовсе и не руки были, а крылья с незримым оперением.

И он поймал, снова поднял в воздух, снова закружил. Опираясь на его плечи, она запрокинула голову, бессильно уронила руки-крылья, и медленно, чувствуя каждый сантиметр его тела своим, сползла к его ногам. Вскочила одним плавным движением, отбежала, словно дикая лисица, всплеснула руками, замерла.

Два широких шага ей навстречу, и он стремительно упал на колени, сжавшись на полу, а девушка быстро перекувыркнулась через него спина к спине, и, после разворота, мягко соскользнула в продольный шпагат.

Она ощутила жар, исходящий от его ладоней. Прикосновение было сильным, порывистым. Он одним стремительным движением поднял её на ноги и прижал к себе нежно, осторожно, словно она была сделана из тончайшего хрустала.

Он зашёл ей за спину, не выпуская из кольца своих рук, опустил подбородок на её плечо, зарываясь лицом в изгиб шеи. В его движениях сквозила такая неприкрытая чувственность, щемящая нежность.

Ей нестерпимо захотелось обнять его руки на своей талии, прикоснуться к ним, но она осталась стоять, запрокинув голову назад на его плечо, зажмурил глаза и раскинув руки в стороны.

Они замерли так на несколько мгновений, а потом он отпустил её.

– Ну, господа, это уже кое-что, – донеслось сдержанное из темноты, где сцена обрывалась в зрительный зал, и из-за софитов казалось, что там чёрная пропасть, – но это не значит, что нам не над чем работать.

Девушка, улыбаясь, сдула со лба влажную чёлку. Кто-нибудь с обидой посчитал бы такую оценку слишком малой для танца, в который они только что вложили всю душу, но не Диана. Она точно знала, что эти слова – самая большая похвала, какую можно услышать от их руководителя, который поднялся с кресла во втором ряду, и жестом дал понять подопечным, что на сегодня репетиция окончена.

Михаил Дмитриевич Воронцов работал в танцевальной сфере больше 20 лет, и считался одним из самых лучших хореографов города. Это был невысокий, коренастый мужчина, с крепкой фигурой опытного танцора. Небольшая лысина, видневшаяся среди каштановых волос, и седеющие виски ни в коей мере не указывали на его возраст, напротив, придавали

ему чисто мужской шарм. Глаза были похожи на двух чёрных жуков и смотрели цепко, внимательно.

Двигался Михаил Дмитриевич резко, порывисто и имел привычку без конца приглаживать волосы во время объяснения отдельных элементов танца. Быстро выходил из себя, начинал кричать, увлекаясь сценической эмоцией, размахивать руками, возбуждённо ходить по залу, но его ученики уже давно привыкли к такой его манере общения. Зато он обладал неиссякаемой фантазией. В нём жила удивительная любовь к своей профессии, которой он отдавал всю свою душу. Это было весьма заразительно. Рядом с ним всем хотелось танцевать.

– Диана, твоя героиня приземляется как бегемот, у которого проблемы с пищеварением, – громко сказал он, подходя к ученикам и запуская руку в волосы, – а твой герой, Женя, таскает её по всей сцене так натужно, будто она бегемотом и является. Отставить бегемотов! Дайте мне больше лёгкости, изящества, грации!

Диана усмехнулась. Её партнер кивал со скучающим выражением лица. Михаил Дмитриевич покачал головой, а потом неожиданно тепло улыбнулся.

– Ладно, молодёжь, отдыхайте. Завтра ровно в семь тридцать утра жду вас на репетицию, и без опозданий!

– До свидания, Михаил Дмитриевич. – Ответили два голоса.

Девушка проводила высокую, статную фигуру руководителя глазами до выхода из актового зала и ловко спрыгнула со сцены. Она направилась к своему рюкзаку, терла лицо ладонями и отдувалась – было жарко. Отвинтила пластмассовую крышку на бутылке с минеральной водой, чувствуя, как меж лопаток противно скатываются капельки пота. Диана с наслаждением сделала глоток и тут же закашлялась. Вода кусалась и щипалась во рту миллионами мелких пузырьков и ударила в нос. Она вытерла навернувшиеся слёзы и наткнулась на насмешливый взгляд Жени.

Было в серых глазах юноши нечто такое, что всегда заставляло девушку краснеть, как помидор в конце августа. Ди одала его полным возмущения взглядом, на что он наглым образом усмехнулся.

Настроение у неё было отличное, как всегда, после хорошо выполненной работы. Присутствовало чувство изнеможённого удовлетворения. Но потом она обречённо вздохнула: подниматься каждый день в пять часов утра – серьёзное испытание. А опаздывать на репетицию действительно не стоило – поездка в Москву совсем скоро.

Девушка засунула наполовину полную бутылку в рюкзак, закинула его на спину и пошла за Женей, который уже направлялся к выходу из зала.

– Что это сегодня с тобой? – поинтересовалась она, догнав его у входной двери, – обычно, когда ты танцуешь, у тебя такое сосредоточенное лицо, будто ты обдумываешь детали чьего-то убийства, а сегодня ты улыбался...

Женя откинул с лица длинную светлую прядь волос, и Диана увидела, что его губы изогнуты в насмешливой улыбке.

– Знаешь, когда ты наклоняешься, мне открывается великолепный вид на твои... – он сделал паузу, дождался, пока Диана покраснеет до корней волос, и великодушно исправился, – ...на твоё декольте.

Девушка сузила по-кошачьи зелёные глаза.

– Порядочные мужчины не стали бы пользоваться случаем и заглядывать девушке за воротник. – Прошипела она.

Женя в ответ только шире ухмыльнулся.

– А где ты видела здесь порядочного мужчину?

Диана сердито пихнула его локтем в бок и зашла в женскую раздевалку.

Бросив рюкзак на длинную скамью под вешалкой, утыканной крючками, она взглянула в большое зеркало. Серебристая поверхность послушно отразила раскрасневшуюся, невысо-

кую девушку с хмурым выражением лица и растрёпанными каштановыми волосами, одетую в чёрный гимнастический купальник. Она, подумав, нагнулась вперёд. Купальник надёжно прилегал к телу и ничего лишнего не открывал.

– Вот наглец! – процедила Диана с возмущением и принялась сердито натягивать шерстяную кофту.

Они с Женей танцевали в паре уже больше десяти лет, и всё это время он не уставал её дразнить. Казалось, ему доставляет огромное удовольствие смущать и ставить её в неловкое положение. Но, как ни странно, они сдружились быстро, и реагировать на его шпильки Диана стала реже. Несмотря на ершистость и неприступность, Женя никогда не переходил грань между подшучиванием и издевательством.

Высокий, светловолосый, с тёмно-серыми, как клочья вечернего тумана, глазами, он привлекал к себе наиболее впечатлительных барышень без малейшего труда. Женское внимание ему льстило, он принимал восторженные вздохи с насмешливой улыбкой и изрядной долей иронии.

Но Диана глубоко сомневалась, что «Ледяной Принц», как Женю однажды окрестили восторженные поклонницы, вообще способен кого-то полюбить, кроме собственного отражения в зеркале.

Помимо яркой внешности, её партнёр обладал удивительной способностью будить в окружающих людях любое нужное ему чувство. Он манипулировал людьми часто, много и со вкусом. Такая власть над чужими эмоциями одновременно пугала и восхищала.

Однако, Женя не подпускал к себе никого слишком близко. Со всеми он общался с вежливой отстранённостью, почти не улыбался искренне, сдержанно отвечал на вопросы и о себе разговаривал неохотно.

Он не говорил о своей жизни, не рассказывал о семье никому из их общих знакомых, но Диана знала, что отец бросил его с матерью в три года. Она так же знала, что возле Жени есть одна особенная девушка, которую он не выносит, но по каким – то причинам не может её прогнать.

Диана не встречала никого столь же самоуверенного и упрямого. В нём жило ужасное высокомерие, блестящая язвительность, изящная и рискованная. Казалось, его невозможно в чём-то переубедить или переспорить. Но, в то же время, Диана знала, какой мягкой иногда была его улыбка, каким искренним звучал смех, видела теплоту в его глазах, а не только полнейшее презрительное равнодушие. Казалось, он весь состоит из противоречий.

В Жене было столько жесткости, что иногда он наводил ужас, но в следующее мгновение он мог помочь кому-то встать на улице, вежливо объяснить дорогу, улыбнуться какому-нибудь плачущему малышу, и было совершенно не понятно, чего от него ждать в следующую секунду.

Диана помнила, как в шесть лет, её, робкую и нерешительную, мама привела в кружок акробатического танца. Михаил Дмитриевич велел ей исполнить несколько базовых движений, и когда она справилась, удовлетворённо кивнул. А потом позвал из-за кулис Женю.

На сцену вышел худощавый, жилистый паренёк с загорелым лицом и облупленным носом. Выгоревшие волосы были совсем белыми. Диана нерешительно улыбнулась ему, но он лишь глянул волком и сразу отвернулся.

Она помнила страх и смущение, когда Михаил Дмитриевич сказал, что они будут танцевать в паре, но возразить не нашла в себе сил. Ей совсем не понравился этот гордый, заносчивый мальчишка. Но в первый же день, когда маленькая Диана рассыпала в коридоре дворца культуры фломастеры, помог ей именно Женя. Молча подошёл, собрал, сунул ей в руки наполненную пачку и ушёл.

Постепенно, уступая и помогая друг другу в мелочах, дети привязались друг к другу. Да и невозможно было не привязаться, когда проводишь вместе столько времени и постоянно близко контактируешь.

Став старше, Диана чувствовала то необъяснимое духовное родство с этим невозможным человеком, какое бывает только между лучшими друзьями, и считала его своим другом. Постепенно она привязалась к нему, к его метким, кусачим шуточкам, насмешливой манере выражаться, к его сильным рукам и мелодичному голосу.

В общении со всеми он держался расслабленно и непринуждённо, но в нём непременно чувствовалась какая-то напряжённость. С ней эта напряжённость постепенно ушла. Они беседовали открыто, искренне, и Диана была тронута, когда впервые почувствовала эту разницу.

Так размышляя, девушка вышла из раздевалки и направилась к выходу из дворца культуры «Россия». На широком крыльце её привычно ждал Женя, одетый в чёрную осеннюю куртку и тёмные джинсы. На плечо он небрежно закинул рюкзак с абстрактным ярким рисунком.

Он стоял на «своей» ступеньке. С самого первого дня, как Диане разрешили ходить на репетиции одной, без сопровождения взрослых, Женя ждал её на крыльце дворца, на второй ступеньке снизу. Всегда только на второй. Девушка сначала удивлялась, когда видела его после репетиций, ведь вместе они могли пройти совсем немного, лишь до трамвайной остановки, но потом привыкла, и старалась собраться быстрее, чтобы не заставлять его ждать.

Вот и теперь Женя взял её рюкзак, и перекинул через свободное плечо. Потом взглянул на неё чуть устало:

– Что с тобой? Ты какая-то тихая.

Диана покачала головой.

– Ничего, просто устала сегодня смертельно.

Они неспешно побрели к трамвайной остановке. К железной дороге вела узкая аллея, по бокам которой летом зеленели аккуратные коротко постриженные кусты и ряды высоких тополей.

Теперь же эти кусты напоминали островки жаркого пламени. Осенью аллея окрашивалась в буйные пурпурные и оранжевые тона, тополя выстилали мокрый асфальт пёстрой листвой. Это был один из крошечных живописных уголков среди шумного бетонного города, и Диана любила это место.

За аллеей раскинулся необъятный рынок, который всегда ассоциировался у девушки с запахом сырой рыбы, руганью и суетой, поэтому идти по тёмной, тихой, засыпанной жухлой листвой дорожке было особенно приятно.

– Темы наших танцев всегда любовные, – внезапно проговорил Женя не то с обидой, не то с возмущением, и Диана недоумённо подняла голову.

– Что?

Он посмотрел на неё сверху вниз, чуть повернув голову, отчего его светлые волосы, скользнув по щекам, упали на глаза. Он нетерпеливо их сдул.

– Темы наших танцев – любовные, – повторил он, – всегда. Ты не замечала?

Девушка пожала плечами.

– Действительно. Ты против?

– Нет, но это странно. У других – тематические танцы. Есть даже танцы – сценки, а у нас всё одно и то же. То она в него влюбляется, то он пылает к ней страстью.

– Мы танцуем в паре, Женя, – ответила Диана, наслаждаясь вечерней прохладой. Она даже шапку сняла и выпустила на свободу длинные, пушистые, тёмные локоны. – И не участвуем в сценках. Что можно сделать с парой?

Женя отнял шапку из её рук и преградил ей путь.

– Эй! – воскликнула она, когда он натянул шапку обратно ей на голову.

– Опять хочешь с соплями ходить? Или горло давно не лечила?

Девушка заворчала, но шапку больше не сняла. Они медленно шагали по аллее. Домой не хотелось совершенно.

– И потом, любовь тоже может быть многогранной. – Продолжила свою мысль девушка, – любовь – нежность, любовь – страсть, любовь – безумие, любовь – мечта, любовь – ревность, даже любовь – смерть. Смотри, какой простор для фантазии.

Женя сорвал жёлтый лист с куста и повертел его в руках.

– А по-моему, всё это попросту банально.

Заметив вопросительный взгляд Дианы, он пояснил:

– Сейчас всё про любовь: книги, фильмы, картины. Как только эту несчастную любовь уже не трактовали. Даже в открытках тебе непременно желают счастливой и чистой любви.

Диана внимательно посмотрела на ленивые движения его пальцев, крутящих листок. Ей казалось странным, что её друг не понимает очевидных вещей.

– Это вечная тема, Женя, – наконец сказала она, – любовь всегда будет присутствовать в жизни и сердцах людей. Без неё никак нельзя, мы тогда уже слопали бы друг друга живьём, как тропические богомолы.

Женя усмехнулся и бросил листок под ноги. А потом лукаво взглянул на неё.

– А может Михаил Дмитриевич просто находит нас с тобой хорошей парой, а? Как считаешь?

– Я считаю, что кто-то сейчас получит в глаз. – Спокойно предупредила девушка, и Женя фыркнул.

«Да уж, хороша пара. – Подумала Диана, – Женя – определённо не тот, кого стоит рассматривать в качестве второй половинки, если только ты не законченный мазохист».

– Твой трамвай! – вскричал он, дёрнув её за руку.

Они добежали до остановки. Женька впихнул ей её рюкзак в самый последний момент, когда двери трамвая уже начали закрываться, и Диана весело помахала ему из окна.

Наблюдая, как её друг отдаляется, и становится всё меньше, Диана вдруг удивилась, с чего бы Жене задумываться над тематикой их танцев. Её саму никогда не волновало то, что танцуют они всегда лирику.

Доехав до своей остановки, девушка привычно ощутила усталость и голод. Так бывало всегда в конце среды. После репетиции она чувствовала, что до дома не дойдёт – рухнет где-нибудь под кустом, и уснёт недельки на две.

Вспомнив, что дома её ждут четыре задачи по «Гармонии» и конспект по «Народному творчеству», девушка чуть не расплакалась. «Лето хочу!» – мысленно простонала она и прибавила шаг.

Домофон занял уже порядком надоевшую всем мелодию. «Многоуважаемый господин Бетховен застрелился бы, если б услышал, в каких формах применяют его знаменитое „К Элизе“», – подумалось Диане, и в этот момент из динамика послышался мамин голос:

– Диана, ты?

Хотелось ляпнуть какую-нибудь глупость, наподобие: «Нет, не я, а твоя давно умершая прабабушка!», но девушка сдержалась. Её мать была строгой женщиной и не терпела таких вольностей.

– Угу. – Буркнула она, и домофон пискнул.

Войдя в подъезд, Диана недоверчиво покосилась на лифт. После того, как она застряла в нём в прошлом месяце, желание лениться у неё отпало, и она стала подниматься по лестнице пешком на седьмой этаж.

Дверь ей открыла младшая сестра.

– Привет, Ди! – Звонко выкрикнула она, – А мне сегодня пять по русскому поставили!

Лиза явно была горда собой, и теперь вертелась на месте, как молодая козочка. Её более светлые, чем у Дианы, волосы выбились из пышной косы и разметались по плечам, как у дикой лесной нимфы.

– Великое достижение, – фыркнула Диана, открывая створку шкафа и вешая в него куртку, – Почему уроки не делаешь?

– Я уже всё сделала! Это только ты по танцуйкам ходишь, – сестрёнка показала ей язык и удалилась в комнату.

Тремя часами позже, наскоро поужинав, провозившись с задачами по «Гармонии» и конспектом, Диана пребывала в состоянии, сравнимым с зелёным и не слишком свежим желе. Она лежала в кровати с закрытыми глазами, но усталость дошла до того предела, когда тело просит сна, а мозг отказывается переставать думать. Мысли текут медленно, одолевают неясные образы и воспоминания.

Диана вызвала в памяти лицо своего однокурсника Антона: слегка вытянутое, с квадратным подбородком и ярко-зелёными, озорными глазами, всегда такими хитрыми, как у молодого, полного сил лиса. Почему-то рядом с этим образом медленно возник образ Жени, у которого всего было больше: и красоты, и характера, и ума. Подсознательно Диана всегда сравнивала этих двоих, и никак не могла понять, откуда берётся этот сравнительный анализ.

Она часто задумывалась, почему именно Антон, а не Женя так понравился ей. Почему запал в душу и обосновался там именно он, а не блистательный Евгений Крылов, которого пожелала бы каждая?

Диана глубоко вздохнула и перевернулась на живот, обняв одну из множества небольших подушек, а потом недовольно воскликнула:

– Лиза! Это ещё что такое? Ты уже не маленькая!

Сестрёнка, прошлёпав по полу босыми ногами, проворно залезла к ней в постель и теперь требовала свою долю одеяла.

– Ну, пожалуйста, Ди, – Лиза посмотрела на неё тем самым взглядом, который считался нечестным приёмом. После него Диана соглашалась на что угодно.

С победоносным выражением лица сестра поудобнее устроилась на своей стороне кровати и засопела.

Диана улыбнулась и тоже провалилась в сон.

Глава 2

Золотой шарик с трепещущими крылышками, называвшийся Снитч, подразнивая, завис над самой макушкой Дианы. Она оторвала одну руку от метлы и потянулась за ним, но он, проскочив между пальцев, ускользнул от неё. Диана опустилась на землю, снизившись и развернув метлу, соскочила с метловища и увидела, что золотой снитч лежит прямо перед ней. Она нагнулась, чтобы взять его, но он снова исчез. И вдруг, Диана оказалась в театре оперы и балета. На сцене танцевал Женя под какую-то противную, лающую мелодию. Девушка стала громко протестовать, что она не собирается танцевать с ним под эту твякающую музыку. Перед глазами снова сверкнул снитч. Она протянула руку и проснулась...

Некоторое время осоловевшая от сна Ди просто сидела на кровати в ворохе подушек и одеяла. Она легонько потрясла головой, как будто хотела изгнать странный сон из головы. В душу вползла какая-то смутная тревога, которая появляется каждый раз после таких снов.

– Бессмыслица. – Фыркнула Диана, ёжась, вылезая из тёплого одеяла.

Рядом с её кроватью на полу лежала книга Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Орден Феникса». Поразмыслив, она поняла, откуда взялся в сновидениях золотой снитч.

Лиза простонала что-то маловразумительное, и накрыла голову подушкой. Диана ощутила зависть – сестра училась в школе во вторую смену, и могла валяться до полудня.

Перегнувшись через Лизу, Ди выключила будильник, который продолжал отвратительно-жизнерадостно вопить о том, что наступил новый день, и быстро оделась.

Она не любила утра. Особенно осенние, пасмурные утра, когда солнце выползает из-за горизонта с явным трудом и жадничает, изливая свой тусклый свет на озябшую, заспанную землю.

Девушка шла по мокрой дорожке, между двумя грязными, расплывшимися от ночного дождя газонами с жухлой, умершей травой, и на душе было премерзко. Настроение совсем упало к нулю, когда она не успела на трамвай, который сверкнул у неё под носом железным боком и, громяхая, умчался в утренний туман.

На силу добравшись до дворца культуры «Россия» и поднявшись на третий этаж, где располагался актовый зал, она обнаружила прикорнувшего на подоконнике Женю. Девушка неслышно подошла к своему партнёру и легонько потрясла его за плечо. Женя вздрогнул так резко, будто у него над ухом раздался удар гонга, и распахнул заспанные глаза. У Дианы, ни с того ни с сего, промелькнула в голове мысль, что они похожи на сегодняшнее утро – такие же серые и холодные.

– Раздевалки закрыты. Михаила Дмитриевича ещё нет. – Мрачно проговорил Женя себе под нос, потом поднял глаза на девушку и добавил: – привет.

Диана кивнула, отвечая на приветствие, и вздохнула. Михаил Дмитриевич никогда не задерживался так долго – значит, они приехали зря.

– Может, нам взять ключ от зала и самим позаниматься? – неуверенно предложила она. Женя скептически глянул на неё.

– Как в прошлый раз?

Диана снова кивнула.

Как-то они с Женей уже пытались заниматься самостоятельно. Когда Михаил Дмитриевич об этом узнал, он высказывал своё недовольство весьма громко и убедительно. В результате этой беседы они с Женей узнали, что являются безответственными болванами, так как заниматься акробатическими танцами можно только под строгим надзором руководителя. Подумав, Диана и сама пришла к выводу, что Михаил Дмитриевич прав – в случае чего, отвечать за их травмы придётся ему.

Прождав руководителя ещё двадцать минут, Диана попрощалась с Женей и побежала на трамвай – ей нужно было попасть в училище как можно быстрее.

Саратовское Областное Училище Искусств располагалось возле консерватории. Диана, проходя мимо её больших тяжёлых дверей и ажурного фасада, как всегда убавила шаг. Девушка мечтала о консерватории всю свою сознательную жизнь. На её лице расцвела чуть печальная, одухотворённая улыбка, когда она окинула взглядом высокое, величественное здание храма искусства, его заострённые окна и небольшие башенки в стиле псевдоготики.

Вздохнув, она прибавила шаг, перешла улицу и вошла в гораздо более скромное желтоватое здание Училища Искусств.

Проходное фойе встретило её тишиной и умиротворённостью. Прямо за двойными, сберегающими тепло, дверями располагалась обширная площадка, пол которой был выложен бежевой плиткой. Вдоль стен, выкрашенных в нежно-персиковый цвет, теснились многочисленные стульчики. На них обычно отдыхали ожидающие урока студенты. От дальней части площадки поднималась широкая мраморная лестница, ведущая на второй этаж. Чугунные перила её были искусно выкованы, и на них красовался причудливый растительный орнамент. Из фойе можно было попасть в два крыла училища: в музыкальное отделение, где обучались будущие артисты театра оперы, певцы эстрадной музыки, оркестранты и теоретики музыкального искусства, и в хореографическое отделение, где учились будущие артисты балета.

В половине девятого в училище почти никого не было. Ещё не пришли струнники и духовики, которые занимались прямо в коридорах и создавали вокруг атмосферу большого и очень фальшивого оркестра. В середине дня, когда у всех был большой перерыв между занятиями, будущие оркестранты вытаскивали свои партии и начинали их учить. Разнообразные мелодии, воспроизводимые скрипками, фаготами, флейтами, сливались в такой невообразимый шум, что нормальный человек не выдерживал и десяти минут. Но Диане нравились эти звуки. Они доказывали, что она учится не где-нибудь, а именно в Училище Искусств, среди творчески одарённых, а потому немного странноватых людей. Точно таких же людей, как она.

Девушка вздохнула и нежно провела ладонью по перилам лестницы. Как бы тяжело порой не приходилось в учёбе, а она всё равно любила это место. Диана улыбнулась тишине – это был её мир, только её воздух, её жизнь...

Атмосфера дружбы всегда витала под высоким потолком училища. Студенты знали друг про друга абсолютно всё, так как находились вместе по пятнадцать часов в сутки. Вместе учились, вместе обедали, вместе смеялись и плакали, вместе переживали сессию. Когда вокруг находится такое количество людей, которые думают в одном и том же направлении и действуют с одинаковыми мотивами – это сближает даже помимо воли. Творческая, большая музыкой молодёжь – самое дружное общество на планете! И здесь Диана впервые поняла, что такое – иметь много настоящих, понимающих, чутких друзей. За них она любила своё училище безмерно!

Девушка, поднялась на второй этаж, негромко стуча каблучками туфель о мрамор ступеней. Гулкая тишина, в которой чётко отдавался звук её шагов, настраивала на меланхоличный лад. Диана задумывалась о том, какой разнообразной и насыщенной была её жизнь, и иногда сама удивлялась, как она всё это успевает, и главное – откуда в ней столько энергии.

Было Училище, где девушка проводила большую часть своего времени. Она училась на отделении теории музыки, и почти не вылезала из библиотеки. Книжная пыль и многовековые труды теоретиков, которые разбирали бессмертные симфонии и оперы по нотам и мельчайшим интонациям, её утомляли. Сердце девушки требовало движения, действия, страстей, а не беспрестанного штудирования толстых томов.

Однако, рядом с ней звучало столько музыки, которую она любила необъяснимой, трепетной любовью, что она готова была перечитать и выучить целую библиотеку, лишь бы продолжать слышать её.

Музыку Диана считала особым, удивительным наречием, на котором говорили лишь необычайно тонко чувствующие люди. Изящный язык Моцарта и простой, незамысловатый Гайдна, нежные слова Шопена и резкие выкрики Прокофьева, бесконечные восклицания Бетховена и протяжные распевы Рахманинова – всё это она слышала, понимала и любила с самого раннего детства.

Диана владела фортепиано и старалась играть так, чтобы клавиши под её пальцами выражали хотя бы четверть того смысла, тех чувств, которые вкладывали в свои произведения композиторы. Это стоило девушке немало пота и собственных нервов. Но Диана была счастлива от того, что она может поделиться своим внутренним миром, своим теплом с другими людьми через прикосновения к клавишам.

И была «Сюита» – её танцевальная группа. Это – отдушина, место, куда Диана приходила, чтобы выплеснуть те эмоции, которые не удавалось реализовать в училище. Безумно, до дрожи в коленях выматывая себя в сложных, опасных танцах, она чувствовала себя живой и счастливой. Здесь она могла быть разной: загадочной, интересной, той, какой её видел зритель. И не важно, что публика забывает артиста, едва ступив за порог зала. Она чувствовала, что может управлять её эмоциями и её настроением хотя бы на этот час, который длилось выступление. Дарить радость – это стоило долгих изнурительных тренировок.

Единственным, кто видел, как Диана старается и насколько это для неё важно, был Женя, который точно так же сгорал в танце, как и она сама. «Наверное, именно поэтому мы так близки...» – подумалось ей.

Размышления девушки прервал громкий хлопок входной двери.

– Студенческий! – потребовал строгий вахтёр.

Следом послышался скрип прокручиваемого турникета – значит у вошедшего со студенческим билетом было всё в порядке.

Девушка перегнулась через перила, чтобы взглянуть, кто пришёл, и увидела светловолосую макушку.

По её телу прокатилась жаркая волна, её охватило волнение. Диана, только бросив один взгляд, узнала вошедшего.

Обладатель макушки, вероятно, почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову. В зелёных глазах мелькнуло узнавание, а потом та самая лукавая хитринка, которая делала его лицо необычным и чуть загадочным. Без этого выражения его глаза казались бы тусклыми и блёклыми.

Он слегка улыбнулся и кивнул. Диана махнула ему рукой. Когда он отвернулся, девушка облокотилась на перила, стараясь не привлекать к себе внимания, и осторожно разглядывала его со второго этажа.

Антон тоже был блондином, но волосы его имели более тёмный оттенок, чем у Жени, и, в отличие от него, за своей причёской он совершенно не следил. Ростом он был ниже Евгения и не с такой грациозной походкой, гибкой фигурой, но зато в нём было то, чего Диана никогда не видела в своём партнёре.

Женя был слишком замкнутым. Одной из черт его характера была природная осторожность и холодная дистанция. У Антона же душа была нараспашку. Он мог сказать что-то, не подумав, а потом долго извиняться. Иногда его поведение выходило за рамки вежливости, манеры оставляли желать лучшего, но в глазах всегда светилось добро. Трудно было представить Антона, совершающего злодеяние, казалось, он был на такое не способен. Антон был типичный добряк. Это делало его в глазах Дианы более живым и не таким «стеклянным», как Женя.

– Диана, что вы до сих пор делаете в коридоре? Ваш урок начался пятнадцать минут назад.

Девушка подскочила от неожиданности, услышав этот приятный, мягкий голос.

– Простите, Алиса Владимировна, – пискнула она, и юркнула в 26 класс на урок гармонии.

Алиса Владимировна со свойственной ей плавностью скользила по классу, читая лекцию про третью степень родства тональностей, а Диана следила за ней. Если на кого она и хотела бы быть похожей в своей жизни, то только на своего любимого преподавателя.

Это была очень непростая женщина: энергичная и сердитая, сильная и справедливая, уверенная в себе и добрая. Кроме того, она обладала колоссальным запасом терпения, никогда не повышала голос и всегда отлично выглядела. Диана её обожала.

Поймав себя на мысли, что она думает совсем не о том, о чём следует думать на уроке гармонии, девушка включилась в работу, отложив свои мысли до перерыва. Она моргнула пару раз и сфокусировала взгляд на доске, где уже выстроилась цепочка нот в скрипичном ключе. Диана решительно взяла в руку карандаш и склонилась над нотной тетрадью.

После урока у третьего курса теоретического отделения был двухчасовой перерыв. Диана как всегда не успела спросить у друзей, кто куда уходит, потому, оставшись одна и сердито нахохлившись, уселась на крайний стул на втором этаже у самой лестницы.

Это было её любимое место. Отсюда открывался замечательный вид на три стороны училища: Диане было видно, кто и с кем сидит под лестницей на первом этаже, кто входит и выходит из кабинетов в коридоре второго, и что делается на третьем.

Шумная, весёлая жизнь училища шла своим чередом. Кругом бегали восторженные первокурсники и второкурсники, расхаживали студенты последнего, четвёртого курса, мелькали знакомые лица родного третьего. Гудели духовики, стрекотали струнники – это значит, что скоро у дирижёров закончится хор, и в шестнадцатом классе будет симфонический оркестр.

А вот и отделение Русского Народного Хора в своих пёстрых, цветастых русских народных костюмах – самое весёлое и шумное отделение училища искусств. Руководители Народного Хора занимаются изучением русского фольклора, поют и танцуют так, что самая чёрствая душа тает.

Диана вытянула шею и разглядела знакомую белобрысую макушку. На Антоне была красная русская народная рубашка, подвязанная жёлтым кушаком, расшитым золотистыми нитями. Словно почувствовав её взгляд, он повернул голову, близоруко щурясь, и широко улыбнулся. Диана вздрогнула, помахала ему рукой и тут же залилась ярким румянцем.

За её спиной раздалось ехидное покашливание.

– И долго вы будете переглядываться? – негромко спросила Аня, её подруга ещё со школьной скамьи и однокурсница.

Она ловко перешагнула через Дианину сумку и опустилась на соседний стул.

Диана посмотрела на подругу озадаченно. Мысли её витали возле Антона, и она почти не слышала её слов.

С Аней они дружили уже десяток лет. Обладая статной крепкой фигурой, копной длинных рыжих волос, она походила на молодую, полную сил ведьму. Сходство увеличивали огромные, по-кошачьи зелёные глаза, которые казались ещё больше из-за очков и смотрели на мир с неизменной пронизательностью и убийственной прямоотой.

– Я говорю, долго ли продлится ваше перемигивание, – с усмешкой повторила Аня.

– Долго. – Лаконично ответила Диана, вытаскивая из-за её спины свой пакет с книгами, на который она облокотилась.

– Это глупо. Всё училище уже знает, что он тебе нравится, включая его самого. – Аня, до этого копающаяся у себя в сумке, подняла глаза, поправила очки в красивой золотистой оправе и встретила полный ужаса взгляд подруги, – А что ты удивляешься? Рассказать об этом Маринке – всё равно, что объявить на всю страну по радио.

– Но... она же его двоюродная сестра! – Диана была потрясена до глубины души.

Она всегда хорошо ладила с Мариной, как та могла выдать её секрет?!

– И что? – чуть насмешливо поинтересовалась Анна, – Ты ждёшь, что она устроит твоё личное счастье?

Диана надулась, сложив руки на груди.

– А почему бы и нет. Она оказывает на него огромное влияние.

Аня перестала копаться в сумке и внимательно посмотрела на подругу.

– Дело даже не в ней. Точнее, не только в ней. Твою привязанность не увидит только слепой.

Диана тут же перестала дуться и поёрзала на стуле. Аня была для неё своеобразным наставником на путь истинный, потому что говорила то, что думала, прямо и честно. При разговоре с ней лгать себе было совершенно невозможно.

– Что ты думаешь? – после небольшой паузы спросила она тихонько.

Аня отвела взгляд, вздохнула и отработанным движением вернула сползшие очки на переносицу.

– Я уже говорила тебе, что я об этом думаю, – серьёзным голосом проговорила она, выживая, наконец, из сумки толстую коричневую книгу с потрёпанным переплётом, – ничего нового сказать не могу. Он тебе не подходит.

Диана понаблюдала за погружившейся в чтение подругой некоторое время, а потом снова взглянула в коридор. Антона там уже не было.

– Ладно, пойду прогуляюсь, что-то засиделась совсем. – Она поднялась со стула и добавила, – и, кстати, я с тобой не согласна.

Она успела поймать встревоженный взгляд Ани, и у неё потеплело на душе. Какой бы резкой и прямой не была её подруга, а обижать Диану она всё же не хотела.

– Всё в порядке, – заверила её девушка, и, улыбнувшись, направилась на первый этаж.

Спускаясь с лестницы, Диана смотрела под ноги и не заметила, что на неё несётся нечто разноцветное и восторженно вопящее. Только оказавшись в крепких, пахнущих цветочными духами, объятиях и запутавшись лицом в пёстрых лентах, Диана разобралась, что к чему.

– Наташка, – прохрипела она, – ты переломаешь мне рёбра.

Невысокая, улыбчивая девушка, одетая в ярко-алый русский народный сарафан, подпрыгивала на ступеньках, как мячик.

– Привет, Ди! – звонко выкрикнула она, – я тебя не видела так давно!

– Ты выздоровела, наконец? Что с тобой было?

Наташа была ещё одной дорогой подругой Дианы. Познакомились они уже в училище, но подружились очень быстро. От одного взгляда на эту солнечную, всегда такую сияющую девушку, становилось тепло на душе. Наташка была из тех людей, кто начисто сметает все негативные мысли одним своим присутствием.

– Да ничего особенного, – отмахнулась бестия, – простуда, как всегда. Как у тебя дела с... – она понизила голос, – ... с нашим общим знакомым?

Диана улыбнулась.

– Никак. Но это поправимо.

– Правильно! – расцвела Наташка, и по-дружески пихнула её в бок, – ой, ладно, побегу.

Ты придёшь на наш концерт?

Диана преувеличенно вздохнула.

– Куда же я денусь?

Наташка ещё раз ослепительно улыбнулась и, подхватив полы сарафана, убежала в коридор.

Спустившись на первый этаж, Диана помахала Насте с дирижёрского отделения, подмигнула Сергею со струнного и окинула взглядом холл.

К одиннадцати утра училище наполнилось смехом, звуком множества голосов и стало напоминать растревоженный улей. Тут и там кто-то что-то ронял, выкрикивал, куда-то бежал.

Из коридора, ведущего на половину музыкантов, доносились звуки фортепиано и весёлые возгласы репетирующих народников. Перед огромным зеркалом, висевшим возле гардероба, вертелась стайка девочек. За своим столом дремал вахтёр, как он мог заснуть в таком шуме – оставалось загадкой.

Под лестницей на стульях кучей лежали чьи-то вещи, а рядом, на самом краю, приткнулся одинокий народник. На коленях у него лежала исчерканная пометками партитура, и он старательно что-то в ней высматривал, а потом принимался несмело дёргать струны треугольной балалайки.

– Эй, Диана!

Девушка повернулась на голос и улыбнулась в знак приветствия своему старому знакомому – Роберту, другу Антона.

Он учился на последнем курсе, и было удивительно, что вообще продержался до выпуска, ведь всё своё время он проводил под лестницей. Парень вальяжно развалился на стуле, закинув ногу на ногу, рядом с ним сидела очередная первокурсница.

Если Диане не изменяла память, уже пятая на этой неделе. У белокурой, кудрявой девушки было такое выражение лица, будто она увидела того самого принца, о котором мечтают все барышни, правда, без коня. Ди мысленно покачала головой: девочке понадобится час, чтобы понять, что Роберт под определение «принц» подходит так же, как слон под определение «балерина».

Улыбнувшись самой себе, Диана окинула любящим взглядом родные стены. Неясная тревога, вспыхнувшая после разговора с Аней, ушла, и настроение выровнялось.

Внезапно до неё донёсся пронзительный визг и залихватистый девчачий смех. Вахтёр всхрипнул и проснулся, недоумённо озираясь по сторонам. Диану же непонятно почему вдруг взволновал этот звук. Она прошла через холл и свернула в коридор, где располагались классы общего фортепиано. Заглянув за угол, девушка тут же отшатнулась и в ужасе прижала ладонь ко рту.

За углом, возле боковой лестницы в укромном уголке, стояли Антон и Мила с дирижёрского отделения. Стояли они очень близко, и длинные тёмные волосы девушки змеями спускались с её плеч, обрисовывая тонкую талию. Милаша – так её называли подруги – прислонилась бедром к перилам лестницы и на её губах блуждала победная, кокетливая улыбка. Антон же смотрел на неё сверху вниз со знакомым хитрым прищуром. Смотрел так восторженно и жадно. Смотрел так, как никогда не смотрел на Диану.

Сердце девушки заколотилось, словно безумное, из глаз помимо воли брызнули слёзы. Изнутри поднималась горячая, опустошающая волна горькой обиды. «Когда? – металось в голове, – Когда они успели? Ещё вчера между ними ничего не было!».

Диана вжалась в стену, не обращая внимания на то, что шершавая поверхность штукатурки пачкает белым её тёмно-синее платье. Взгляд её зацепился за настенные часы.

Половина двенадцатого.

Следующий урок через полчаса.

Основы Познания Мира – самый ненужный и бестолковый предмет на свете, объединяющий в себе физику, химию, математику и астрономию, и в итоге не дающий ничего. Кто поставил его в расписание третьего курса теоретиков, которым и без того было ни продохнуть?

В коридоре послышались шаги, и Диана метнулась в сторону, стараясь слиться со стеной и сделаться незаметной. Но это было лишним. Если бы она вдруг выпрыгнула из-за угла в набедренной повязке и начала танцевать ламбаду, Антон с Милашей её вряд ли бы заметили. Эти двое смотрели только друг на друга, и их, по видимости, не волновало, что происходило вокруг. Причём, за один вот такой взгляд Диана бы отдала половину собственной души.

Глухая злость на весь мир вспыхнула в душе девушки, и она, резко оттолкнувшись от стены, быстрым шагом направилась к гардеробу.

«К чёрту познание мира со всеми его основами! – думала Диана, рьяно натягивая на себя куртку, – К чёрту Антона и его выдру! К чёрту всех!»

Девушка отпихнула с дороги попавшегося под руку Роберта и выскочила на улицу. Вдохнув влажного тяжёлого осеннего воздуха, она немного успокоилась. Тянувшее чувство чуть отпустило, и Диана медленно побрела через парк, в сторону набережной.

Мокрые скамейки уныло стояли в лужах, небо над головой теряло редкие капли, и они падали на землю с тихим звуком. Увядающие, жалкие деревья стояли безмолвными изваяниями по обе стороны асфальтовой дорожки, навевая тоску и жалость. Диане всегда почему-то было жалко деревья, которые были вынуждены вечно стоять на одном месте, под проливным дождём или палящим солнцем.

Всё случилось так быстро, в одно мгновение её оптимистичный настрой на жизнь развеялся, и теперь казалось, что утро было в прошлой жизни.

Внезапно Диане вспомнился тот лукавый взгляд, который Антон подарил ей в перерыв. Теперь она понимала этот налёт интереса и предвкушение скорой забавы, промелькнувшие в его глазах.

Девушка резко зажмурилась, отгоняя волну гнева.

– Почему? Ну почему она? – чуть слышно спрашивала Ди кто-то, пиная опавшую листву носком туфли, – Два года продолжалась наша детская возня. Два года он слал мне лукавые улыбочки, приглашал на танец на дискотеке, благодарно целовал в щёчку, когда я ему помогала с уроками. Целых два года он держал меня как жука на ниточке – вроде бы и крылья свободны, но не улететь. Я столько сделала для него, а тут всего за один день всё решилось!

Маленькая старушка, проходившая мимо, с сочувствием взглянула на расстроенную девушку с налипшей на туфли листвой. Должно быть, услышала её бормотание.

Диана смутилась и ускорила шаг.

Перейдя несколько улиц, она вышла к берегу реки.

– Невезуха, – пробормотала она, подходя к светло-голубому бортику, окаймляющему набережную по всей длине.

Девушка безумно любила это место. Вид широкой синей Волги действовал успокаивающе. Было в этом что-то философское – люди живут и умирают, спешат, торопятся, плачут и смеются, а река ничуть не меняется. Течёт неспешно, несёт свои тяжёлые бессмертные воды через расстояния и дышит мерно, спокойно, бесконечно.

Девушка спустилась на самый нижний уровень набережной, где, присев на корточки, можно было дотянуться до воды рукой, и села на верхнюю ступеньку железной лестницы, исчезающей в глубине. По этой лестнице спускались зимой отчаянные люди, любящие купаться в проруби. Диана потрогала ледяную воду, и у неё тут же замёрзли пальцы. Она сжала мокрую ладонь в кулак и спрятала в карман.

На другой стороне Волги раскинулся Энгельс. Его город. Диана догадывалась, что живёт Антон где-то недалеко от его центра, и удивилась тому, что не знает где именно. Вдруг вспомнились его глаза, цвета летней, слегка запыленной городской листвы, блестящие, живые. Диана мечтала о нём два года. Ей нравился его широкий разворот плеч, пшеничные волосы, всегда так мило торчащие в стороны, его руки с пальцами музыканта – изящными и гибкими.

А теперь в его глаза смотрит другая. Его красивые руки касаются её, и она перебирает его светлые, мягкие волосы. Она, которая его ни капельки не достойна!

Диана сердито сморгнула вновь подступившие слёзы. «Не буду плакать! – подумала она решительно, – больше никогда я не буду из-за него плакать!»

Она, конечно, не сдержала этого обещания.

Девушка обняла колени руками и склонила на них гудящую голову. Хмурое небо над ней расколосось вспышкой молнии, а потом, чуть запоздав, вдали прогрохотал гром. На лоб

Дианы упала первая капля, но она только закрыла глаза, позволяя редкому, ленивому дождю смывать следы слёз со щёк.

Капли запутывались в тёмных, длинных волосах цвета спелого каштана, которые, почувствовав влагу, тут же завивались в плотные тугие локоны. На сердце было тяжело и мерзко. Больше всего Диане хотелось спрятаться где-нибудь, где бы её никто не нашёл, свернуться там клубочком и заснуть, пока весь этот кошмар не закончится. Но она прекрасно понимала, что при её плотном графике такая роскошь недостижима.

В три часа у неё индивидуальное занятие по фортепиано, а потом нужно идти на репетицию – через месяц спектакль. Домой она сегодня попадёт только в восемь вечера, где её будет ждать домашнее задание и отчим, которому наверняка нужно будет сварить что-то съестное.

Диана вздохнула, открыла глаза и недолго наблюдала, как капли падают в речную воду и заставляют её идти мелкой кружной рябью. Вода в реке, отражая плачущее небо, сделалась серой и безликой, мокрый асфальт потемнел, и всеобщая осенняя картина набережной потускнела под дождём, как старый выцветший холст с пейзажем. Девушка поднялась на ноги, пригладила кудрявые волосы и направилась обратно к училищу.

В голове у неё роились невесёлые мысли.

Своего отца девушка помнила не слишком хорошо. Мелькали мимолётные воспоминания о тёплых больших руках, о добрых глазах, о весёлых играх, но если бы она попыталась представить его лицо, у неё бы не вышло. Лиза папу не помнила совсем.

Когда отчим впервые появился в жизни Дианы, он произвёл на неё странное впечатление. А точнее сказать, вовсе его не произвёл.

Ей было двенадцать, а сестре – семь лет, когда этот человек впервые переступил порог их дома. Мама представила его как Михаила Константиновича и сказала, что теперь они будут жить все вместе. Ди, помнится, восприняла эту новость спокойно, только поздоровалась. Но Лиза сразу спряталась за юбку матери, а ночью вся в слезах пришла к Диане в постель и бессвязно пролепетала, что ей страшно, что «новый дядя» заберёт её. Прошло полгода, прежде, чем она совсем перестала бояться отчима.

Михаил Константинович был невысоким, коренастым мужчиной с хорошей, подтянутой фигурой, тёмными волосами, и выглядел бы вполне привлекательно. Но дело было в его глазах. Такого тёмного оттенка глаз Диана не видела ни у кого. Его глаза напоминали дыры, и смотреть в них было жутко. Взгляд у отчима был тяжёлым, холодным и расчётливым. Если вспомнить поговорку, про то, что глаза – зеркало души, то души у этого человека не было вовсе. Лиза однажды сказала, будто в глазах у «нового дяди» живёт темнота. Положа руку на сердце, Диана была с ней согласна. А ещё она бы добавила, что темнота живёт не только у него в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.